

ИССЛЕДОВАНИЯ

Дэвид Юм: классические и современные интерпретации

Васильев Вадим Валерьевич – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой истории зарубежной философии философского факультета. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4; e-mail: izf@philos.msu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются классические и некоторые современные интерпретации идей шотландского философа эпохи Просвещения Дэвида Юма. Обсуждаются истоки классических интерпретаций, основания их выдвижения и направления их трансформации. Показано, что, несмотря на достоинства, главные классические интерпретации – скептическая и натуралистическая – не выдерживают критики. Натуралистическая интерпретация исходит из того, что в решении центральных философских вопросов Юм следует «экспериментальному методу», однако можно показать, что это не так. Скептическая интерпретация предполагает, что Юм был скептиком, что, строго говоря, опять-таки не соответствует действительности. Серьезные проблемы имеются и у новейших интерпретаций идей Юма, в частности у интерпретации П. Рассела. В конце статьи намечены пути создания новой синтетической интерпретации идей Юма.

Ключевые слова: Юм, скептическая интерпретация идей Юма, натуралистическая интерпретация идей Юма, синтетическая интерпретация идей Юма, Н. Кемп-Смит, Д.Ф. Нортон, П. Рассел

Для цитирования: Васильев В.В. Дэвид Юм: классические и современные интерпретации // Историко-философский ежегодник. 2021. № 36. С. 11–24.

Любой великий философ может быть прочтен и истолкован по-разному. В самом деле, взгляды великого философа наверняка должны отличаться глубиной, но глубина неизбежно порождает неясности, а они-то и открывают возможность самых разных толкований. Философы ведут нескончаемые споры о теории идей Платона, трансцендентальном идеализме Канта и понятии духа у Гегеля. Мало какой философ, однако, вызывал столь полярные оценки, как Дэвид Юм. Учитывая влияние этого шотландского философа эпохи Просвещения на сегодняшнюю мысль – а оно огромно, – полезно было бы попробовать разобраться в этом разнообразии толкований.

В этой статье я расскажу о классических толкованиях философии Юма, о современных тенденциях в ее интерпретации, покажу трудности этих толкований (их наличие во многом объясняет само разнообразие подходов к пониманию юмовских идей) и намечу пути их преодоления. В отечественной литературе Е.Н. Блиновым уже предпринималась попытка систематического обсуждения классических и современных интерпретаций идей Юма¹. Мою статью можно рассматривать как продолжение и дополнение интересного и содержательного анализа Блинова. Блинов доказывает, что влияние Юма резко выросло в XX в., а до этого он если и был известен, то в первую очередь не как философ, а как историк и эссеист. С этим в целом можно согласиться. Хотя Юма нельзя назвать философом, который был малоизвестен при жизни, но открыт последующими поколениями, и хотя он был одним из самых обсуждаемых мыслителей своего времени, его известность и в самом деле была связана не столько с его философскими трудами, сколько с его историческими произведениями, а также с религиозно-философскими изысканиями и популярными эссе на разные темы. Нельзя,

¹ Блинов Е.Н. Дэвид Юм: долгая дорога в классики // Эпистемология и философия науки. 2011. № 1. С. 181–197.

правда, резко противопоставлять эти труды его философским исследованиям. В самом деле, его популярные эссе разрабатывают темы, намеченные в его главном философскомopusе – «Трактате о человеческой природе», его религиозно-философские работы опираются на философские предпосылки и даже свой главный исторический проект – шеститомную «Историю Англии» – Юм считал хотя бы отчасти философским.

Нельзя к тому же утверждать, что «Трактат о человеческой природе» и другие собственно философские труды Юма – прежде всего «Исследование о человеческом познании», «Исследование о принципах морали» и «Диалоги о естественной религии» – остались незамеченными современниками шотландского мыслителя. «Трактат», к примеру, заметили в достаточной степени для того, чтобы не допустить его автора к преподаванию в Эдинбургском университете на основании содержащихся в нем крамольных идей, и для того, чтобы пробудить от догматического сна И. Канта и обратить в философию основателя школы философии здравого смысла Т. Рида.

Упомянутые мыслители как раз и определили тональность ранних толкований идей Юма. Оба они считали Юма радикальным скептиком, разрушителем человеческого знания. Рид пытался противопоставить скептическим поползновениям Юма человеческий здравый смысл, Кант же доказывал, что человеческое знание может быть сохранено и рационально оправдано и без апелляций к непроясненным интуициям здравого смысла, правда, лишь в достаточно узких границах возможного опыта (хотя в этих границах оно может быть и априорным, т.е. о пределах возможного опыта мы, по Канту, можем достоверно узнавать что-то априори). Вскоре оформилась схема, воспроизводимая иногда и в наши дни²: Юм был продолжателем традиции британского эмпиризма и довел эту эмпиристскую линию до скептических крайностей, т.е., по сути, до самоотрицания. В XIX в. эта схема была популярна в неогегельянской среде. Но уже на рубеже XIX и XX вв. стало очевидно, что это не единственная возможная интерпретация идей Д. Юма.

² См., напр.: *Scruton R. A Short History of Modern Philosophy: From Descartes to Wittgenstein. 2nd ed. London: Routledge, 2002. P. 123.*

Поворот в понимании философии Юма справедливо связывают с работами шотландского историка философии Н. Кемп-Смита³. Он стал создателем натуралистической интерпретации юмовской философии. На первом плане у Юма, считал Кемп-Смит, была не скептическая программа, а эмпирически ориентированный проект исследования человеческой природы, которую Юм понимал как совокупность изначально присущих людям инстинктов и предрасположенностей, имеющих отношение как к познанию, так и к эмоциям и аффектам. Натуралистическая интерпретация опирается на солидные текстологические основания. Юм действительно говорил о необходимости создания «науки о человеческой природе», он и в самом деле призывал строить такую науку на фундаменте наблюдения и экспериментов, и он доказывал наличие у людей особых когнитивных инстинктов и эмоциональных предрасположенностей⁴.

Кемп-Смит, однако, так увлекся обсуждением натуралистического проекта Юма, что оставил без должного внимания скептические составляющие его философии (за исключением скептической линии в «Диалогах о естественной религии», но анализ этой работы обособляется Кемпом-Смитом и не обсуждается в его большой монографии о Юме). Но эти составляющие нельзя игнорировать. Ведь первая книга «Трактата о человеческой природе», разбору которого Кемп-Смит уделяет наибольшее внимание в только что упомянутой монографии «Философия Дэвида Юма»⁵, завершается настоящим скептическим манифестом, рассуждениями о глубоких противоречиях, в которых запутывается человеческий разум и которые преодолеваются лишь потому, что в состоянии скепсиса нельзя ничего реально делать. Практические интересы побеждают и развеивают скептический сон.

³ [Kemp] Smith N. Naturalism of Hume I // Mind. 1905. Vol. 14. No. 54. P. 149–173; [Kemp] Smith N. Naturalism of Hume II // Mind. 1905. Vol. 14. No. 55. P. 335–347.

⁴ См. напр.: Юм Д. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1994. Т. 1. С. 54–59; Т. 2. С. 47–48.

⁵ Kemp Smith N. The Philosophy of David Hume: A Critical Study of Its Origins and Central Doctrines. With a new introduction by Don Garrett. New York: Palgrave Macmillan, 2005. 568 p.

Достоинства натуралистической интерпретации Н. Кемпа-Смита и вместе с тем игнорирование им скептической составляющей юмовского проекта во многом предопределили дальнейшее развитие мирового юмоведения. Историки философии стали искать такую интерпретацию взглядов Юма, при которой его натуралистические интенции сочетались бы с его скептическими настроениями. Не все, правда, считали, что такая интерпретация в принципе достижима⁶, но большинство верили и верят в то, что она может быть предложена. Одну из самых известных интерпретаций предложил Д.Ф. Нортон. Ее суть ясна из заглавия его книги о Юме: «Дэвид Юм: моралист здравого смысла, скептический метафизик»⁷. В исследованиях морали, считал Нортон, Юм был вполне позитивным мыслителем (в третьей книге «Трактата» – «О морали» – ни разу не употребляется слово «скептицизм»), зато при обсуждении метафизических тем, таких как вопрос о материальной и мыслящей субстанции или о существовании Бога и внешнего мира он давал волю скепсису. Интерпретация Нортона, впрочем, не создает впечатление гармонического сочетания у Юма натуралистических и скептических мотивов. Сам Нортон писал, что, согласно его пониманию, «Юм и скептик, и не скептик»⁸. Впрочем, можно попробовать показать, что дисгармония не является неизбежной. Можно утверждать, что скептические настроения позволяют Юму нащупать те области, в которых возможны достоверные результаты, – и понять, что путь к их достижению лежит через наблюдения и эксперименты. Более того, можно попробовать показать, что сама позитивная натуралистическая концепция Юма, предполагающая инстинктивный, а следовательно, нерациональный характер компонентов человеческой природы, требует как-то продемонстрировать эту нерациональность, что как раз и достигается Юмом с помощью скептических аргументов. Такую трактовку соотношения натурализма

⁶ См.: *Parusniková Z.* Against the Spirit of Foundations: Postmodernism and David Hume // *Hume Studies*. 1993. No. 1. P. 1–18.

⁷ *Norton D.F.* David Hume: Common Sense Moralism, Sceptical Metaphysician. Princeton: Princeton University Press, 1982. 329 p.

⁸ *Norton D.F.* David Hume. P. ix.

и скептицизма предлагали Б. Страуд и П. Гаррет⁹. Проблема с этой интерпретацией состоит, однако, в том, что под нее можно подвести далеко не все скептические сюжеты Юма.

В последнее время в исследованиях умеренных натуралистов (так можно называть этот подход, целью которого является гармонизация натуралистических и скептических устремлений Юма) обнаружилась некая новая тенденция, которую можно назвать антирелигиозной. Наиболее заметным ее выразителем является П. Рассел¹⁰. Рассел доказывает, что скептические разработки юмовского «Трактата о человеческой природе» были направлены прежде всего на демонтаж разного рода религиозных учений, сдерживавших развитие так называемых моральных наук. Иначе говоря, главной целью скептических устремлений Юма была секуляризация гуманитарных и общественных дисциплин, выведение их из религиозных контекстов и помещение их в экспериментальные контексты, в которых в то время уже давно успешно развивались науки о природе. Антирелигиозные интенции «Трактата» не лежат на поверхности, но тем ценней могла бы быть интерпретация Рассела, вскрывающая неясные пласты юмовской мысли и убеждающая читателей в гармоническом сосуществовании у Юма натурализма и скептицизма.

Интерпретация Рассела, как кажется, подкрепляется тем обстоятельством, что Юм действительно интересовался религиозной тематикой и много сделал для изучения истоков религии и рациональных оснований веры в существование верховной разумной и благой сущности, Бога. На деле, однако, этот интерес Юма можно обернуть против интерпретации Рассела. Дело в том, что, хотя «Трактат о человеческой природе» был создан Юмом в молодом возрасте (он написал его в середине 1730-х гг. во Франции, завершив первый вариант текста, когда

⁹ *Stroud B.* Hume. London: Routledge, 1977. 280 p.; *Garrett D.* «A Small Tincture of Pyrrhonism»: Skepticism and Naturalism in Hume's Science of Man // *Pyrrhonian Skepticism* / Ed. by W. Sinnott-Armstrong. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 68–98.

¹⁰ *Russell P.* The Riddle of Hume's Treatise: Skepticism, Naturalism, and Irreligion. Oxford: Oxford University Press, 2008. 442 p.

ему было 25 лет), это было не первое большое сочинение Юма. Еще до «Трактата» он написал книгу о естественной религии, из которой впоследствии выросли «Диалоги о естественной религии»¹¹. Хотя эта книга не дошла до нас, можно уверенно утверждать, что именно она служила подготовительной работой к секуляризации области моральных наук (мы знаем, что в этой работе рассматривались и критиковались доказательства бытия Бога, а секуляризация научных дисциплин как раз и является следствием их критики), и в «Трактате» Юм уже исходит из этой установки, а не обосновывает ее. Но в таком случае его скептические аргументы в «Трактате» наверняка служат совсем не тем целям, о которых говорил Рассел, и его интерпретация утрачивает свою правдоподобность.

Не менее серьезные проблемы, однако, есть и у других упомянутых интерпретаций. И они не связаны с их неполнотой или незавершенностью. Речь идет о проблемах другого типа, о недостатках, которые едва ли возможно исправить частными уточнениями или дополнениями.

Возьмем натуралистическую интерпретацию. Я уже отмечал, что ее создатель, Н. Кемп-Смит, не уделял должного внимания скептическим разработкам Юма. Но этот недостаток как раз несложно исправить, и последователи Кемпа-Смита пытались делать это. Легко можно скорректировать и другие в лучшем случае сомнительные положения, высказывавшиеся Н.К. Смитом, утверждавшим, к примеру, будто учение Юма о морали можно рассматривать как продолжение хатчесоновского сентиментализма (что не соответствует действительности: это совершенно разные метаэтические конструкции, так как Хатчесон исходил из существования особого морального чувства, а Юм считал истоком морали симпатию, или эмпатию, как мы назвали бы ее сейчас) или что Юм создавал свой «Трактат» в такой последовательности, которая противоположна порядку его книг в финальной версии¹². Гораздо сложнее сторонникам натуралистической интерпретации Юма объяснить то обстоятельство, что Юм вовсе не был радикальным сторонником применения

¹¹ Юм Д. Соч.: в 2 т. Т. 2. С. 736.

¹² Kemp Smith N. The Philosophy of David Hume. P. vi–vii, 13, 538.

экспериментального метода в моральных науках. Такое понимание методологии Юма является важной составной частью натуралистической интерпретации. Конечно, подобное мнение о Юме не лишено оснований. Во введении в «Трактат» Юм действительно говорил, что единственным прочным основанием наук о человеке может быть опыт и наблюдение¹³. Но суть в том, что со временем его позиция претерпела изменения. В первой главе «Исследования о человеческом познании», изоморфной введению в «Трактат», он вообще не употребляет слова «опыт», «наблюдение» и «эксперимент» в контексте рассуждений о своей методологии. Он акцентирует внимание на точности и строгости науки о человеческой природе, которую он также называет здесь «истинной метафизикой»¹⁴. И это не какое-то случайное упущение. В другой главе «Исследования» он методологически противопоставляет метафизические науки естествознанию, а не сближает их, как раньше. Главным препятствием их прогресса является, считает он, «темнота идей и двусмысленность терминов»¹⁵. Соответственно, они должны уделять большое внимание прояснению терминов и понятий или, как мы сейчас бы сказали, концептуальному анализу, который традиционно понимается как совокупность априорных процедур. Так что понимание Юмом истинной метафизики как дисциплины, основанной на концептуальном анализе, никак не вписывается в тот образ его философии, который отстаивали сторонники натуралистической интерпретации.

Не меньшие внутренние проблемы свойственны и скептической интерпретации философии Юма. Чтобы понять их природу, проще всего начать с прямого вопроса, был ли Юм скептиком. Вопрос этот может, правда, показаться довольно расплывчатым, но его легко конкретизировать. Дело в том, что с античных времен настоящими скептиками считались те философы, которые стремятся выявлять противоречия в традиционных философских темах и воздерживаться от позитивных теоретических суждений на их счет. При этом само воздержание

¹³ Юм Д. Соч.: в 2 т. Т. 1. С. 57.

¹⁴ Там же. Т. 2. С. 11.

¹⁵ Там же. С. 52.

от суждений воспринимается скептиками в позитивном эмоциональном ключе, это приятное состояние невозмутимости¹⁶.

Если согласиться с таким пониманием, то Юм совершенно точно никогда не был скептиком. Он действительно часто обсуждал разного рода противоречия или неудобные для него контр-примеры к собственным теориям, но их обнаружение вовсе не вызывало у него позитивных эмоций. Напротив, оно воспринималось как что-то тягостное и меланхолическое¹⁷. И Юм, разумеется, не удовлетворялся такими находками, а настойчиво пытался устранять найденные нестыковки. Поиск решений мог затягиваться на много лет, но Юм не прекращал его. Иногда четкие решения так и не находились (как в случае противоречий, обнаруженных Юмом в собственной концепции Я как пучка перцепций), иногда решение получалось довольно схематичным (как в случае противоречия между нашей убежденностью в независимом от нас существовании тел и доказательствами, что тела могут существовать только в восприятии, или противоречия между субъективной убедительностью и объективной неубедительностью аргумента в пользу бытия Бога от целесообразности природы), но подчас Юм все же находил детальные ответы на подобные вопросы. Такого рода ответ он, к примеру, предлагал при рассмотрении потенциальных противоречий, связанных с представлением о бесконечной делимости пространства и заполняющих его тел. Противоречий, считал Юм, удастся избежать, если исходить из правильного понимания того, как формируются у нас идеи тел, или, шире, из правильной теории абстракции¹⁸.

Другим примером детального разрешения Юмом противоречий является его «Диалог», дополняющий и завершающий «Исследование о принципах морали». Здесь Юм обсуждает актуальный и поныне вопрос об универсальных моральных ценностях. С одной стороны, кажется, что единство человеческой природы людей разных эпох (или их принадлежность к одному биологическому виду, как мы сейчас бы сказали) наводит

¹⁶ Ср. напр.: *Hazlett A. A Critical Introduction to Skepticism*. London: Bloomsbury, 2014. P. 7–8.

¹⁷ Юм Д. Соч.: в 2 т. Т. 1. С. 309.

¹⁸ Там же. Т. 2. С. 137.

на мысль о неизбежности единого понимания ими морали, если признать, как и считает Юм, что она коренится в природе человека. С другой стороны, факты говорят, что люди разных эпох по-разному понимают добро и зло. В «Диалоге» Юм пытается найти баланс между универсализмом и плюрализмом моральных предпочтений. Он сам был доволен результатами работы и давал понять в письме своему приятелю Г. Элиоту, что это исследование было примером успешного решения проблемы, которая могла бы привести и к скептическим выводам. При этом он добавлял, что такие позитивные решения могут не всегда даваться легко – из-за сложности проблем, а порой просто потому, что удача может отвернуться от исследователя. Но в любом случае надо продолжать поиски¹⁹.

Таким образом, по своим интенциям Юм совершенно точно был антискептическим автором. Представления об обратном связаны с тем, что Юм не всегда мог сразу разрешить противоречия, обнаруживаемые им самим или находимые при подсказке других авторов, таких как П. Бейль или Дж. Беркли. Стремление же к отысканию противоречий, а также разного рода контрпримеров и нестыковок связано, судя по всему, с индивидуальными особенностями личности Юма, с тем, что сам он называл своим «неустанным воображением»²⁰. Надо также заметить, что в какие-то моменты Юм был близок к признанию того, что некоторые противоречия могут оставаться неразрешенными теоретическими средствами. И в таком случае разрешить их можно будет только практически, игнорируя их в обыденной жизни, действуя так, будто их нет. Однако в дальнейшем Юм возвращался к поискам также и теоретических решений этих противоречий.

В общем, хотя при слабом понимании термина «скептицизм» (а именно при отождествлении скептицизма с установкой на исследования, с сомнениями, с признанием границ человеческого познания или с невозможностью всеохватных рациональных обоснований) Юма можно назвать скептиком (именно в таком смысле сам он сближал свою позицию с «академическим»

¹⁹ Юм Д. Соч.: в 2 т. Т. 2. С. 738.

²⁰ Там же. С. 736.

скептицизмом, или «академической философией»²¹), радикальная скептическая интерпретация философии Юма не выдерживает критики. То же самое, как мы видели, можно сказать и о традиционной натуралистической интерпретации. Но это не значит, что они должны быть полностью отброшены. Напрашивающимся выходом может быть некая синтетическая интерпретация, учитывающая наработки «натуралистов» и «скептиков».

Хочу только подчеркнуть, что ответить на вопрос «Чего хотел Юм?», ответ на который как раз и стремятся давать авторы различных интерпретаций, на мой взгляд, можно лишь с учетом понимания эволюции юмовских идей и эволюции самого Юма как философа. Мировое юмоведение долгое время игнорировало эту тему²², сосредоточивая свое внимание в основном на раннем «Трактате о человеческой природе», от которого Юм, кстати, официально отрекся. В последние десятилетия картина, впрочем, изменилась, но последствия антиэволюционистского подхода к толкованию идей Юма ощущаются и поныне. Скажем, в современном юмоведении нет понимания того, что эволюцию этических идей Юма невозможно уяснить без учета его «Истории Англии», не осознаются кардинальные изменения, произошедшие со временем в его учении об аффектах, не акцентируются методологические изменения в «Исследовании о человеческом познании» в сравнении с «Трактатом о человеческой природе» и т.п. Все эти вещи еще предстоит осмыслить. Сам я предпринял такую попытку в своей недавней книге «Дэвид Юм и загадки его философии»²³, своеобразным введением к которой является данная статья. Но единичные усилия в любом случае не имеют большого значения в науке, они должны превращаться в тренды.

Добавлю в заключение, что осознание некорректности традиционных интерпретаций философии Юма и их современных отпрысков может изменить наши представления и о личности Юма. В современной биографической литературе о Юме по-прежнему доминируют представления, восходящие к знаменитой

²¹ Юм Д. Соч.: в 2 т. Т. 2. С. 129–144.

²² Ср.: Блинов Е.Н. Дэвид Юм: долгая дорога в классики. С. 184.

²³ Васильев В.В. Дэвид Юм и загадки его философии. М.: УРСС, 2020. 704 с.

биографии Э. Моснера²⁴. Моснер исходил из того, что Юм был скептиком, и объяснял его личные качества – добродушие, невозмутимость, стойкость перед лицом смерти и т.п. – на основе традиционного образа скептического философа. Но если отказаться от этой предпосылки и непредвзято посмотреть на факты, то мы увидим, что Юм был гораздо более сложной личностью, чем считал Моснер и его последователи. И мы увидим, как много важных эпизодов жизни Юма было оставлено за бортом моснеровской биографии – именно потому, что они не укладывались в схемы, вытекающие из неверных интерпретаций.

В общем, Юм, как и, наверное, любой большой философ, по-прежнему открыт для новых толкований. Посвящая себя им, мы приобщаемся к великой традиции мировой философии и в той или иной степени продолжаем эти традиции, обогащаем ее и еще больше сами обогащаемся ею.

Список литературы

- Блинов Е.Н.* Дэвид Юм: долгая дорога в классики // Эпистемология и философия науки. 2011. № 1. С. 181–197.
- Васильев В.В.* Дэвид Юм и загадки его философии. М.: УРСС, 2020. 704 с.
- Юм Д.* Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1994.
- Garrett D.* “A Small Tincture of Pyrrhonism”: Skepticism and Naturalism in Hume’s Science of Man // *Pyrrhonian Skepticism* / Ed. by W. Sinnott-Armstrong. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 68–98.
- Hazlett A.* A Critical Introduction to Skepticism. London: Bloomsbury, 2014. 212 p.
- [*Kemp*] *Smith N.* Naturalism of Hume I // *Mind*. 1905. Vol. 14. No. 54. P. 149–173.
- [*Kemp*] *Smith N.* Naturalism of Hume II // *Mind*. 1905. Vol. 14. No. 55. P. 335–347.
- Kemp Smith N.* The Philosophy of David Hume: A Critical Study of Its Origins and Central Doctrines. With a new introduction by Don Garrett. New York: Palgrave Macmillan, 2005. 568 p.

²⁴ *Mossner E.C.* The Life of David Hume. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 1980. 709 p.

- Mossner E.C.* The Life of David Hume. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 1980. 709 p.
- Norton D.F.* David Hume: Common Sense Moralist, Sceptical Metaphysician. Princeton: Princeton University Press, 1982. 329 p.
- Parusniková Z.* Against the Spirit of Foundations: Postmodernism and David Hume // Hume Studies. 1993. Vol. 1. P. 1–18.
- Russell P.* The Riddle of Hume's Treatise: Skepticism, Naturalism, and Irreligion. Oxford: Oxford University Press, 2008. 442 p.
- Scruton R.* A Short History of Modern Philosophy: From Descartes to Wittgenstein. 2nd ed. London: Routledge, 2002. 328 p.
- Stroud B.* Hume. London: Routledge, 1977. 280 p.

David Hume: Classical and Contemporary Interpretations

Vadim V. Vasilyev

D.Sc. in Philosophy, Professor, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of History of World Philosophy, Faculty of Philosophy. Lomonosov Moscow State University. 27/4, Lomonosovsky prospect, Moscow, 119234, Russian Federation; e-mail: izf@philos.msu.ru

Abstract. In this paper, I consider the classical and some of the contemporary interpretations of the ideas of the Scottish Enlightenment philosopher David Hume. I briefly discuss the sources of classical interpretations, reasons to accept them, and the directions of their transformation in contemporary literature. I try to show that, despite their merits, the main classical interpretations – sceptical and naturalistic – do not stand up to criticism. The naturalistic interpretation assumes that Hume follows the “experimental method” in solving philosophical questions, but it can be shown that this is not so, at least in his First Enquiry. The sceptical interpretation suggests that Hume was a sceptic, which, strictly speaking, is also wrong. The newest interpretations of Hume's ideas – Paul Russell's, for example – also have serious problems. At the end of the article, I outline some ways of creating a new synthetic interpretation of Hume's ideas.

Keywords: Hume, skeptical interpretation of Hume's ideas, naturalistic interpretation of Hume's ideas, synthetic interpretation of Hume's ideas, N. Kemp-Smith, D.F. Norton, P. Russell

For citation: Vasilyev, V.V. “David Yum: klassicheskie i sovremennye interpretatsii” [David Hume: Classical and Contemporary Interpretations], *Istoriko-filosofskii ezhegodnik*, 2021, No. 36, pp. 11–24. (In Russian)

References

- Blinov, E.N. “David Hume: dolgaya doroga v klassiki” [David Hume: A Long Road to the Pantheon], *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2011, No. 1, pp. 181–197. (In Russian)
- Garrett, D. “«A Small Tincture of Pyrrhonism»: Skepticism and Naturalism in Hume’s Science of Man”, *Pyrrhonian Skepticism*, ed. W. Sinnott-Armstrong. Oxford: Oxford University Press, 2004, pp. 68–98.
- Hazlett, A. *A Critical Introduction to Skepticism*. London: Bloomsbury, 2014. 212 pp.
- Hume, D. *Sochineniya* [Works], 2 Vols. Moscow: Mysl’ Publ., 1994. (In Russian)
- [Kemp] Smith, N. “Naturalism of Hume I”, *Mind*, 1905, Vol. 14, No. 54, pp. 149–173.
- [Kemp] Smith, N. “Naturalism of Hume II”, *Mind*, 1905, Vol. 14, No. 55, pp. 335–347.
- Kemp Smith, N. *The Philosophy of David Hume: A Critical Study of Its Origins and Central Doctrines*, with a new introduction by Don Garrett. New York: Palgrave Macmillan, 2005. 568 pp.
- Mossner, E.C. *The Life of David Hume*, 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 1980. 709 pp.
- Norton, D.F. *David Hume: Common Sense Moralism, Sceptical Metaphysician*. Princeton: Princeton University Press, 1982. 329 pp.
- Parusniková, Z. “Against the Spirit of Foundations: Postmodernism and David Hume”, *Hume Studies*, 1993, No. 1, pp. 1–18.
- Russell, P. *The Riddle of Hume’s Treatise: Skepticism, Naturalism, and Irreligion*. Oxford: Oxford University Press, 2008. 442 pp.
- Scruton, R. *A Short History of Modern Philosophy: From Descartes to Wittgenstein*, 2nd ed. London: Routledge, 2002. 328 pp.
- Stroud, B. *Hume*. London: Routledge, 1977. 280 pp.
- Vasilyev, V.V. *David Hume i zagadki ego filosofii* [David Hume and Riddles of His Philosophy]. Moscow: URSS Publ., 2020. 704 pp. (In Russian)